

О. В. Колотова

**ЭСКАПИЗМ: НЕКОНСТРУКТИВНЫЕ ПУТИ
ЛИЧНОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ**

106

Протест против устаревших образцов взросления и невозможность отстаивать новаторский образ-Я – традиционное противоречие в самоопределении личности подростка. Трудности самоопределения в пространстве реальных отношений все чаще предопределяют эскапизм или поиски подрастающим поколением себя и ценности образа-Я в виртуальном бытии. Статья освещает, в каких условиях и посредством каких механизмов уход подростков в виртуальные пространства становится опасной деформацией их образа-Я и приводит к утрате его адекватности. Цель исследования – выявить варианты неконструктивных путей подросткового эскапизма. Теоретической основой исследования стала трансформационная модель протестной активности личности (субъектно-бытийный подход), рассматривающая эскапизм в качестве одной из форм протеста, как специфический процесс самоопределения личности. С помощью прикладного метода регрессионного анализа – парциальной модерирующей медиации – были изучены два наиболее вероятных неконструктивных пути подросткового эскапизма. Данные пути имеют сходства в механизме протекания: блокирование диалога подростка со своим Я, защитное поведение и стагнация личностного самоопределения. Различия заключаются в условиях действия механизма и в результатах личностного самоопределения. Если подростки отказываются от новаторского образа-Я в виртуальных пространствах, то они формируют позитивную ценность Я, однако сам образ остается детским. Если подростки отстаивают новаторский образ-Я, наблюдается «раскол» в оценке образа-Я: Я-реальное кардинально отличается от Я-идеального. Для подрастающего поколения эскапизм может представлять угрозу в том случае, когда поиск ценности Я в виртуальных пространствах не подкреплен субъектными ресурсами.

The protest against outdated patterns of self-image and the inability to defend modern patterns self-image becomes traditional contradiction in teenager's self-determination. Difficulties of self-determination in the real relationship define teenager's escapism and search for the value of self-image in a virtual existence. This study highlights the mechanisms and conditions under which escapism becomes dangerous for adolescents, distorts their self-image, and contributes to the loss of its adequacy. The purpose of the study is to identify options for non-constructive ways of adolescent escapism. The theoretical basis of the research is a transformational model of protest activity of the individual (subject-being approach), in which escapism is one of the forms of protest. The authors study two most likely non-constructive ways of adolescent escapism while applying the partial moderated mediation methodology. Two ways of non-constructive escapism have differences and similarities. The similarities are in the mechanism of their occurrence: psychological defenses and stagnation of personal self-determination. The differences are in the conditions of the mechanism and in the results of personal self-determination. If teenagers reject the modern self-image in virtual spaces, they form a positive value of the Self, but the self-image is childish. If teenagers advocate a modern self-

image, then there is a "split" in the assessment of the self-image: the real Self is radically different from the ideal Self. Escapism can be dangerous for teenagers if the searching for the value of the Self in virtual spaces is not supported by subjective resources.

Ключевые слова: эскапизм, самоопределение личности, протестная активность личности, образ-Я, самооценка подростка, психологическая защита, регрессия, модерирующая медиация

Keywords: escapism, personal self-determination of, protest activity of personality, self-image, adolescent self-evaluation, psychological defense, regression, moderated mediation

Введение

Современные реалии личностного самоопределения подрастающего поколения характеризуются трудностями выбора субъектом между эталонами, к которым необходимо стремиться: к устоявшимся или к новым, постоянно изменяющимися, неопределенным. В частности, одним из актуальных направлений данной проблемы является то, что подрастающее поколение сталкивается с неприятной неожиданностью, когда традиционные образцы самоопределения обесцениваются, перестают быть эффективными, но при этом остаются социально одобряемыми, зачастую активно и безосновательно навязываются окружением. Т. Тойвонен, В. Норасаккункит и Ю. Учида определяют подобное явление как «маргинальное личностное состояние молодежи»: наблюдается отказ как от конформизма, так и от конструктивного протеста [20, p. 8].

Необратимое отклонение личности от традиций, сочетающееся с невозможностью отстоять независимость, адекватно выразить свой протест, с большой вероятностью проявляется в примитивном бегстве личности из системы социальных отношений и отказе от самоопределения в них. В свете развития информационных технологий подобное бегство начало принимать форму *эскапизма*. З.И. Рябикина, характеризуя бытие современного человека, отмечает, что повсеместная виртуализация предоставляет субъекту неограниченные возможности для создания любых эталонов, образов, которые могут быть ограничены лишь фантазией [10].

Одним из способов преодоления описанного противоречия, как отмечают исследователи, является протестная активность личности — процесс, направленный на «деконструкцию микро- и макросоциума сообразно особенностям личностного самоопределения», ориентированный на ценностные основания личностной бытийности [4, с. 78]. Для эффективной деконструкции социума необходим субъектный потенциал личностных ресурсов. Эскапизм стал одной из форм протестной активности личности, исследована множественность его сценариев [4]. «Модусы» эскапизма зависят от специфики субъектного пути решения личностью «двойного конфликта» эскапизма (внутрилич-

ностного и межличностного), базового противоречия «между представлением о правильности собственного способа существования и его отрицательной оценкой со стороны общества» [Там же, с. 88].

Специфика «двойного конфликта» как источника эскапизма была уточнена для подросткового этапа онтогенеза [7]. В частности, эскапизм как форма протестной активности личности *зарождается деструктивным, драматичным процессом* личностного самоопределения. «Внутренний конфликт» включает в себя, с одной стороны, сочетание позитивного самовосприятия подростка как независимого, мятежного, самодостаточного, прогрессивного человека и негативного восприятия других, имеющих старомодные, косные и неприятные образы. С другой стороны, ощущение подростком обиды, чувства несправедливости и ущемления его прав представляет собой реализацию данного вектора, мотивационную готовность к эскапизму. «Внешний конфликт» характеризуется двусторонним разрывом отношений подростка с референтным окружением. Вопрос о том, к какому же образу приведут эскапистские поиски образа-Я, прежде всего касается выбора подростком-эскапистом пути истинной или ложной субъектности, а также является направлением дальнейшей научной разработки феномена подросткового эскапизма.

Конструктивный путь личностного самоопределения подростка-эскаписта в виртуальных пространствах предполагает поиск ценности Я, подкрепленный субъектными ресурсами: наличием внутреннего локуса контроля как ответственности за качество самоопределения, трезвой оценкой собственных возможностей и эмоциональной стабильностью, признанием собственных недостатков, просоциальным копингом [8]. В таких условиях подросток-эскапист имеет все шансы успешно сформировать адекватный образ-Я, каким бы оригинальным или новаторским он ни был.

В последние годы *проблема неконструктивных форм эскапизма*, его причин и следствий становится все более актуальной в отечественных и зарубежных исследованиях. Неконструктивная форма эскапизма преимущественно характеризуется как неудачная компенсация стрессовых событий, связанных с низким субъективным уровнем качества жизни и ее комфорта, эмоциональной неудовлетворенностью личности происходящим [1; 6; 11; 13; 18]. В настоящее время остаются открытыми вопросы о том, в каких условиях и посредством каких механизмов уход подростков в виртуальные пространства становится опасным.

Целью нашего исследования стало выявление вариантов неконструктивных путей подросткового эскапизма.

Поскольку эскапизм является формой протестной активности личности, подросток-эскапист стремится к самоопределению в виртуальных пространствах, то есть к *обретению ценности* конструируемого новаторского образа-Я, отвергнутого реальным референтным окружением. Следовательно, неконструктивность эскапистского процесса заключается в отсутствии активного создания ценностного основания образа-Я, объектной позиции подростка [4].

Методы исследования

В статье представлена часть результатов исследования формы протестной активности личности «эскапизм», проводимого автором в течение последних трех лет. В исследовании приняли участие 227 учеников гимназий г. Краснодара. Возраст респондентов 12–16 лет ($M_e = 14$), из них 49 % – девушки, 51 % – юноши.

Респондентам были предложены следующие психодиагностические методики: опросник «Протестная активность личности», шкала «Эскапизм» (А.Ш. Гусейнов); тест 16PF Р. Кеттелла, шкала «Q₁ – открытость новому опыту» (адаптация А.Г. Шмелевым и др.); опросник «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик, Г. Келлерман, Х.Р. Конте, адаптация Л.И. Вассерманом и др.); методика исследования самооценки личности С.А. Будасси.

Для наиболее эффективного исследования того, в каких условиях и посредством каких механизмов уход подростков в виртуальные пространства становится опасной деформацией их образа-Я и ведет к утрате его адекватности, был использован прикладной вид регрессионного анализа – модерируемая медиация [15]. Расчеты производились с использованием программного пакета IBM SPSS Statistics v26.0, программное обеспечение PROCESS v3.5 (А.Ф. Хейс). Поскольку метод модерируемой медиации является каузальным, представляется важным охарактеризовать и обосновать роли эмпирических критериев (шкал методик) относительно друг друга для предотвращения эффектов *post hoc*¹.

Независимой переменной выступила шкала «Эскапизм» (X), позволяющая оценить выраженность эскапистской формы протестной активности личности, специфического процесса ее самоопределения – формирование личностью конструируемого образа-Я в различных виртуальных пространствах [4].

Как уже отмечалось ранее, протестная активность личности направлена на формирование ценностно-смыслового позиционирования. Поэтому в качестве зависимой переменной, наиболее важного результата процесса самоопределения подростка-эскаписта, была определена шкала «Самооценка» (Y). А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко относят представление личности о себе, оценку субъектом своих возможностей к содержательным результативным характеристикам самоопределения субъекта [5]. Согласно Л.В. Бороздиной, самооценка «отражает присутствие критической позиции индивида по отношению к тому, чем он в результате обладает», характеризует результаты «ценностной экспертизы» представлений человека о себе [3, с. 61]. О.Н. Молчанова отмечает, что самооценка зависит «от удовлетворения некоторых стандартов или параметров ценностей» [9, с. 86].

¹ От лат. *Post hoc, ergo propter hoc*, что в дословном переводе означает «После этого, значит, по причине этого». Речь идет о логической ошибке, когда последовательность случайных событий неверно трактуется как причинно-следственная связь.

Было установлено, что значимым фактором в формировании неконструктивного эскапизма и его *ценностным стандартом* является «открытость новому опыту» (от англ. *openness to change*) [7]. М. Веккьоне с соавторами выявили также, что для подросткового возраста характерно снижение ценности устоявшихся эталонов самоопределения, наблюдается тяга к радикальным изменениям образа-Я [21]. В связи с этим в качестве переменной-условия (модератора) была использована шкала Q₁ (W). Модератор определяет то, *в каких условиях* проявляются причинно-следственные связи. В данном исследовании оценивалось, на каких уровнях шкалы Q₁ наблюдаются наиболее значимые, выраженные закономерности.

Механизмом неконструктивного эскапистского процесса самоопределения личности мы предполагаем ее защитное поведение — то, *каким образом* происходит преодоление личностью «двойного конфликта» эскапизма. Как отмечает Е.Б. Старовойтенко, психологические защиты блокируют процесс познания и раскрытия Я, характеризуют низкое качество «диалога человека с собой о Я-неизвестном» [12, с. 43]. Поэтому в качестве переменных-медиаторов, отражающих механизм влияния независимой переменной «Эскапизм» (X) на зависимую переменную «Самооценка» (Y), были использованы шкалы методики «Индекс жизненного стиля» (M).

Результаты исследования

Переменные X (независимая переменная, шкала «Эскапизм»), Y (зависимая переменная, шкала «Самооценка»), W (переменная-модератор, шкала «Q1 — открытость новому опыту») и M (переменная-медиатор «Психологические защиты») были включены в модель модулируемой медиации. На рисунке 1 представлена концептуальная схема модели, получившей наибольшую статистическую значимость.

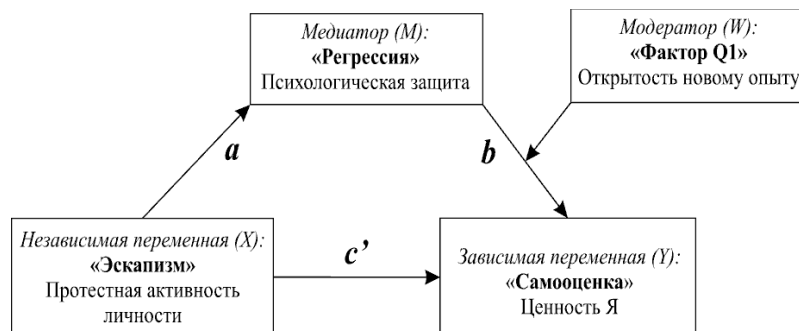

Рис. 1. Концептуальная схема модели модулируемой медиации

Примечание: стрелками отображены регрессионные зависимости, или «пути». Прямой путь c' — от независимой переменной (X) к зависимой переменной (Y). Непрямой путь представлен двумя путями: путь a — от независимой переменной (X) к медиатору (M), или левая сторона модели; путь b — от медиатора (M) к зависимой переменной (Y), или правая сторона модели. Путь b управляется модератором (W), что показано стрелкой.

А.Ф. Хейс для интерпретации результатов модели модулируемой медиации рекомендует опираться не на ее разбор по отдельным «путям», а на анализ индекса модулированной медиации, индексов непрямого условного влияния на различных уровнях модератора, а также на показатели критерия Джонсона – Неймана, анализ простых наклонов (от англ. *simple slopes analysis*), которые с высокой точностью позволяют охарактеризовать модель в целом [15, р. 8]. Для достижения этого обратимся к рассмотрению данных, представленных в таблице.

Нестандартизированные коэффициенты (со стандартными ошибками) для модели моделированной медиации, метод наименьших квадратов (second stage moderated mediation model)

111

	Независимые переменные	Зависимые переменные:		
		М: Регрессия	Y: Самооценка	
1.	<i>Intercept: Св. член</i>		30,293 (5,8)	-0,201 (0,248)
2.	X: Эскапизм	<i>a</i> →	1,703 (0,3)	<i>c'</i> → -0,010 (0,001)
3.	M: Регрессия			<i>b</i> ₁ → 0,011 (0,003)
4.	W: Фактор Q ₁			<i>b</i> ₂ → 0,123 (0,036)
5.	M*W:			<i>b</i> ₃ → -0,002 (0,001)
6.	Общий ожидаемый размер эффекта:	R ² = 0,174 ; F(225)= 47,378 ; p<0,0001		R ² = 0,086 ; F(222)= 5,233 ; p<0,001
7.	Критерии взаимодействия			(M*W) R ² -chg= 0,05 ; F(222)= 12,677 ; p< 0,001 (X*M) F(221)= 0,671 ; p< 0,414
8.	Индекс прямого влияния:		<i>Индекс</i>	<i>LLCI</i>
	Индексы непрямого условного влияния на разных уровнях модератора «W»:		-0,010	-0,018
9.	Q ₁ =4,64 балла (консерватизм)		0,005	0,0002
10.	Q ₁ =6,33 балла (либеральность)		-0,001	-0,004
11.	Q ₁ =8,03 балла (радикализм)		-0,006	-0,011
12.	Индекс модулированной медиации		-0,003	-0,005

Примечание: полужирным шрифтом выделены статистически значимые показатели. Путь *b* представлен тремя путями: *b*₁ – от медиатора (M) к зависимой переменной, *b*₂ – от модератора (W) к зависимой переменной, *b*₃ – от переменной-интеракции (M*W) к зависимой переменной. Данные переменные необходимы для расчета индексов непрямого условного влияния. Процентиль доверительных интервалов бутстреп-анализа основан на 5000 бутстреп-выборках.

В строках 1–5 таблицы представлены значения всех путей модели (нестандартизированные коэффициенты со стандартными ошибками), которые необходимы для расчета индексов модели. Согласно показателям общего ожидаемого размера эффекта в строке 6, полученная модель является статистически значимой как в левой (путь *a*), так и в правой (пути *b*) сторонах на уровне p<0,001. В строке 7 отражены показате-

ли значимости взаимодействия $M*W$ ($R^2\text{-chg}=0,05$; $F(222)=12,677$; $p<0,001$), а также взаимодействия $X*M$. Последний показатель $X*M$ должен быть не значим, в противном случае будет ставиться под сомнение обоснованность вывода о существовании непрямого пути [16]. В рассматриваемой модели критерий взаимодействия $X*M$ не значим ($F(221)=0,671$; $p<0,414$).

В строках 8–12 находятся искомые показатели индексов модели модулируемой медиации. Индекс прямого пути (строка 8) является неинформативным в интерпретации непрямого влияния и далее не будет рассматриваться [15]. Наиболее важный показатель оценки модели – индекс модулированной медиации (строка 12), в частности значения его верхнего и нижнего порогов доверительных интервалов бутстреп ($LLCI=-0,005$ и $ULCI=-0,001^2$). Отсутствие значения «ноль» между данными порогами свидетельствует о том, что модель статистически значима, существует механизм влияния $X\rightarrow Y$ для специфических категорий респондентов [15].

Индексы непрямого условного влияния значимы на двух уровнях модератора (строки 9 и 11): для испытуемых с низким уровнем Q_1 – 4,64 балла (консерватизм) и высоким уровнем Q_1 – 8,03 балла (радикализм, новаторство), о чем свидетельствует отсутствие значения «ноль» между показателями доверительных интервалов $LLCI$ и $ULCI$. Для более детального исследования величин непрямого условного влияния обратимся к рисунку 2.

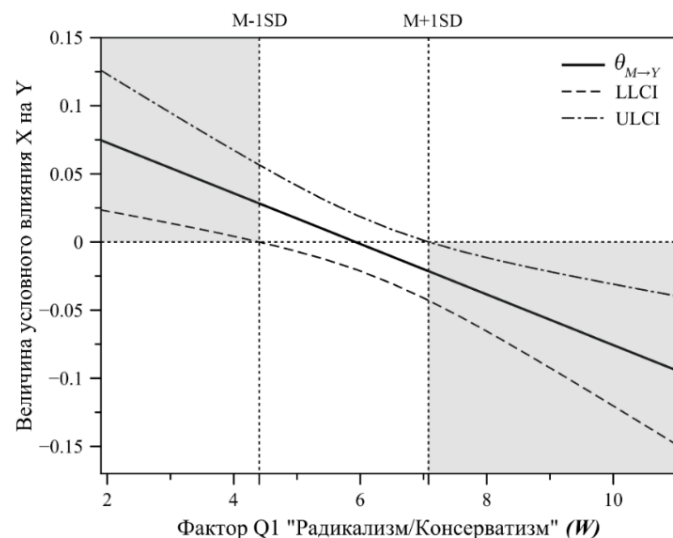

Рис. 2. Условное влияние психологической защиты «Регрессия» (M) на «Самооценку» (Y) как функция модератора «Фактор Q_1 » «Открытость новому опыту» (W)

Примечание: цветом выделены зоны значимости. Интервал $M\pm 1SD$ характеризует пороговые значения модератора (W).

² LLCI – low level confidence interval, ULCI – high level confidence interval.

На оси Y отражены величины условного влияния медиатора (M) на различных уровнях модератора (W), а на оси X – значения самого модератора (W) или баллы шкалы Q₁. Существуют две «зоны», в которых доверительные интервалы не включают значение «ноль» (на рис. 2 выделены серым цветом), о чем свидетельствуют значения критерия Джонсона – Неймана: для 14 % респондентов-подростков с низким уровнем Q₁=4,64 балла (консерватизм) характерно влияние психологической защиты «Регрессия» на увеличение показателей «Самооценка»; 24 % респондентов-подростков с высоким уровнем Q₁=8,03 балла (радикализм, новаторство) свойственно, наоборот, снижение показателей «Самооценки» под влиянием психологической защиты «Регрессия».

И наконец, необходимо установить меру увеличения или снижения показателей зависимой переменной «Самооценка» и соотнести ее с нормативными значениями (анализ простых наклонов).

Важно отметить, что согласно левой части модели ($a=1,703$; $t(225)=6,88$, $p<0,0001$) независимая переменная «Эскапизм» (X) значительно актуализирует психологическую защиту «Регрессия» (M). Согласно показателям, представленным в строке 2 таблицы, уравнение пути а выглядит следующим образом: $Y_x=1,703 \cdot X+30,293$, где Y – шкала психологической защиты «Регрессия», X – шкала «Эскапизм». Выраженные показатели защитного поведения ($Y \approx 75$ баллов и более по шкале «Регрессия») определяются высоким уровнем эскапизма ($X=26,3$ балла и более при нормативных значениях по шкале «Эскапизм» 12–21 балл). В исследуемой выборке ($n=227$) высокие значения эскапизма (26 баллов и более) характерны для 46 респондентов, что составляет около 20 % от всей выборки. Поскольку полученные данные по шкале «Эскапизм» распределены нормально (гипотеза о нормальном распределении проверялась с помощью критерия Колмогорова – Смирнова с поправкой Лиллиефорса $\lambda=0,051$, $p=0,200$, $df=227$), можно заключить, что бегство от реальности характерно для каждого пятого подростка. Исходя из описанных показателей будет производиться интерпретация рисунка 3.

Актуализация психологической защиты «Регрессия» ($C=84$ балла и более) у подростков, отказавшихся от радикализма как ценностного стандарта самоопределения ($Q_1=4,64$ балла и менее) приводит к формированию у них положительной самооценки ($r=0,38$ и более). У подростков, поддерживающих ценностный стандарт новаторства, радикализма ($Q_1=8,03$ балла и более), усиление выраженности психологической защиты «Регрессия» определяет значительное снижение самооценки вплоть до отсутствия какой-либо дифференциации между образцами Я-реальное и Я-идеальное ($r=0,27$ и менее).

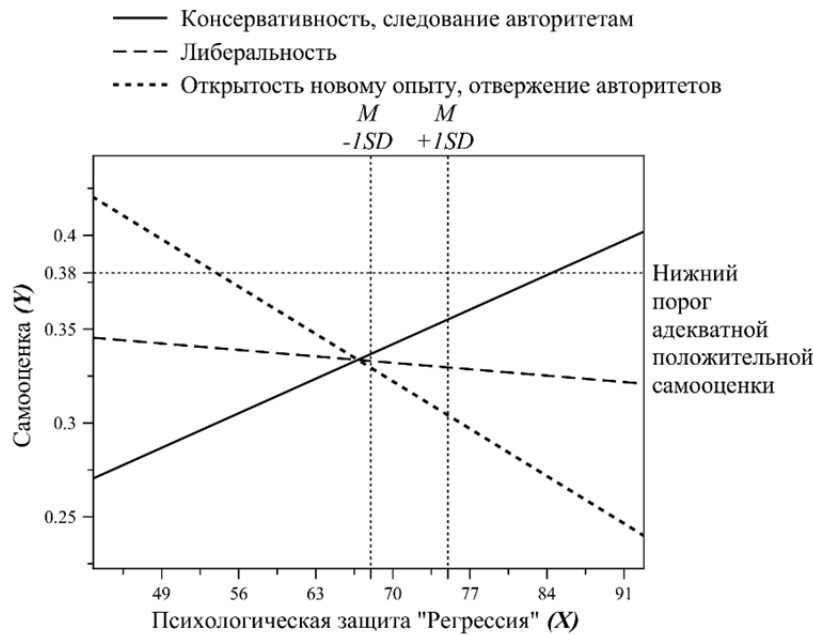

Рис. 3. Визуальное представление условного влияния психологической защиты «Регрессия» (М) на «Самооценку» (Y) среди испытуемых с низким ($W=4,64$), средним ($W=6,33$) и высоким ($W=8,03$) уровнем выраженности фактора Q_1 «Открытость новому опыту»

Примечание: интервал $M \pm 1SD$ по оси X отражает нормативные значения шкалы «Регрессия»; линия «Нижний порог адекватной положительной самооценки» разделяет шкалу Y на две части, нижняя из которых характеризует несформированную самооценку, верхняя — сформированную положительную самооценку.

Обсуждение результатов

С помощью прикладного метода регрессионного анализа — модерированной медиации — было выявлено два наиболее вероятных неконструктивных пути личностного самоопределения эскаписта.

В обоих случаях подросток-эскапист для обретения ценности образа-Я использует психологическую защиту «Регрессия». Согласно В.Л. Блиновой, О.Г. Лопуховой и Е.О. Шишовой, для личности, тяготеющей к «Регрессии», характерно сочетание выраженной потребности в саморазвитии с отсутствием внутренних ресурсов для самосовершенствования, что ведет к «пассивно-оборонительному поведению» [2, с. 1569]. Следовательно, подросток-эскапист регрессирует к неактуальным паттернам оценки образа-Я ради сохранения его ценности с позиции детского восприятия. Различие выявленных неконструктивных путей заключается в специфике проявления условия — ценностного стандарта «открытость новому опыту», «новаторство».

Путь 1: подросток-эскапист отстаивает новаторскую позицию в обретении ценности Я. Данный путь приводит подростка-эскаписта к недифференцированной ценности образа-Я (реальное Я кардинально отличается от идеального Я). Полученные данные в настоящем исследовании сообразны результатам исследований зарубежных психологов. В частности, К. Фуллвуд, Б.М. Джеймс, Ч.-Х. Чен-Уилсон описывают регулярное экспериментирование подростков-эскапистов со своей «онлайн-самопрезентацией»: для них свойственно неясное и непоследовательное Я, они склонны представлять несколько версий себя в интернете, компьютерных играх; не могут выработать устойчивое понимание своего Я, их реальное-Я значительно отличается от идеального-Я, которое максимально нагружает фактор эскапизма в эксплораторном факторном анализе [14]. А.К. Гарсия Мурилло и Д. Х. Пуэрта-Кортес отмечают, что чрезмерная включенность подростков в социальные сети (на примере Facebook) связана с низкой самооценкой, неспособностью личности достичь желаемых целей в популярности и общении, неустойчивым образом-Я [17]. Б. Шпорчич и Р. Главак-Ткалич также связывают эскапизм с мерами «ясности» образа-Я: бегство от реального мира для достижения чувства уверенности в образе-Я нестабильно, поскольку происходит отождествление личности с игровым персонажем или аватаром [19]. Наблюдающаяся отстраненность от реальности отражается в отстраненности от реального образа-Я, способность к «саморазличению» начинает утрачиваться.

Путь 2: подросток-эскапист отказывается от ценностного стандарта «новаторство» и формирует положительную оценку образа-Я. Утрата ценностного стандарта «новаторство» характеризует отказ от свободомыслия, возврат восприятия к детским формам, подчинение традиционным эталонам и выработку высокой ценности образа-Я. Поскольку изначально желаемый новаторский образ-Я подростком не достигнут, сформированная позитивная ценность Я является искаженной, так как она выработана в результате защиты от угрозы дестабилизации самовосприятия.

Описанные варианты неконструктивных путей личностного самоопределения подростков-эскапистов характерны как для юношей, так и для девушек. Также не выявлено значимых различий в протекании представленных путей для респондентов младшего и старшего подросткового возраста. Представляется перспективным дальнейшее изучение эскапизма подростков с позиции половых и возрастных особенностей.

Заключение

В подростковом возрасте эскапизм зарождается как примитивное бегство личности из реального пространства социальных отношений, является деструктивным феноменом. Уход в виртуальные пространства воспринимается подростками как перспективная социальная лаборатория для утверждения и обретения ценности радикального образа-Я. Однако в условиях дефицита субъектных ресурсов эскапист склонен

либо к формированию недифференцированного образа-Я, его «расколу» на отвергаемое Я-реальное и желаемое радикальное Я-идеальное, либо к выработке положительного, но социально-одобряемого, детского, отличающегося от того, который им изначально отстаивался. Неконструктивные пути эскапизма в личностном самоопределении подростка приводят к стагнации, регрессу личностного развития, становясь предпосылкой к формированию аддиктивного поведения, а субъектного способа бытия.

Список литературы

116

1. Балыков Д. В. Эскапизм как психологический феномен // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2019. №1 (85). С. 17–18.
2. Блинова В. Л., Лопухова О. Г., Шишова Е. О. Особенности психологических защит при разном уровне готовности личности к саморазвитию // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1569.
3. Бороздина Л. В. Сущность самооценки и ее соотношение с Я-концепцией // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2011. №1. С. 54–65.
4. Гусейнов А. Ш., Рябикина З. И., Фоменко Г. Ю., Шиповская В. В. Феномен протестной активности личности: субъектно-бытийная интерпретация // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14, №4. С. 78–96.
5. Журавлев А. Л., Курпейченко А. Б. Развитие идеи С. Л. Рубинштейна о самоопределении субъекта в современной социальной психологии // Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна : сб. науч. ст. М., 2011. С. 216–233.
6. Кибальник А. В., Федосова И. В. Социальный эскапизм в молодежной среде // Казанский педагогический журнал. 2020. №2. С. 221–229.
7. Колотова О. В. Вклад враждебности и референтности в зарождение подросткового эскапизма как процесса самоопределения личности // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. №12. С. 101–110.
8. Колотова О. В. Подростковый эскапизм: факторы и механизмы успешного процесса самоопределения личности // Наука: комплексные проблемы. 2020. №2 (16). С. 103–108.
9. Молчанова О. Н. Проблемы самооценки индивидуальной личности // Мир психологии. 2011. №1 (65). С. 82–95.
10. Рябикина З. И. Личность как субъект бытия в условиях нарастающих изменений реальности // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития : сб. науч. ст. М., 2017. С. 807–815.
11. Рябов В. Б. Эскапизм и субъективное качество жизни // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2, №1. С. 44–65.
12. Старовойтенко Е. Б. Я-неизвестное в отношениях личности к себе и к другому // Мир психологии. 2018. №3 (95). С. 35–49.
13. Теславская О. И., Кардапольцева А. А., Беловол Е. В., Савченко Т. Н. Эскапизм как предмет исследования в современной научной психологии // Психологический журнал. 2017. №6 (38). С. 53–65.
14. Fullwood C., James B. M., Chen-Wilson C.-H. Self-concept clarity and online self-presentation in adolescents // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2016. Vol. 19, №12. P. 716–720.
15. Hayes A. F. Partial, conditional, and moderated moderated mediation: Quantification, inference, and interpretation // Communication Monographs. 2018. Vol. 85. №1. P. 4–40.

16. Hayes A.F. Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis : a Regression-Based Approach. N.Y., 2018.

17. Murillo A. C. G., Puerta-Cortés D. X. Relación entre el uso adictivo de Facebook y el autoconcepto en estudiantes colombianos // Revista Virtual Universidad Católica del Norte. 2020. №59. P. 27 – 44.

18. Rogalski J.P., Roscoe E.M., Fredericks D.W., Mezhoudi N. Negative reinforcer magnitude manipulations for treating escape-maintained problem behavior // Journal of Applied Behavior Analysis. 2020. Vol. 53(3). P. 1514 – 1530.

19. Šporčić B., Glavak-Tkalić R. The relationship between online gaming motivation, self-concept clarity and tendency toward problematic gaming // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2018. Vol. 12, №1.

20. Toivonen T., Norasakkunkit V., Uchida Y. Unable to conform, unwilling to rebel? Youth, culture, and motivation in globalizing Japan // Frontiers in psychology. 2011. Vol. 2 (207).

21. Vecchione M., Schwartz S.H., Alessandri G. et al. Stability and change of basic personal values in early adolescence: A 8-year longitudinal study // Journal of Research in Personality. 2016. Vol. 63. P. 111 – 122.

Об авторе

Колотова Ольга Валерьевна – ведущ. спец. высшей категории, Краевой методический центр, Краснодар, Россия.

E-mail: olga.lavrichenko@mail.ru

The author

Olga V. Kolotova, senior expert of the highest category, Regional methodical center, Krasnodar, Russia.

E-mail: olga.lavrichenko@mail.ru